

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«ЮЖНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

Бондарева Анна Александровна

**РОЛЬ СУДЕБНОГО КРАСНОРЕЧИЯ В РАЗВИТИИ
ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА**

**(на материале русского судебного и художественного дискурсов
рубежа XIX–XX вв.)**

5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная
лингвистика

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Ростов-на-Дону – 2024

Работа выполнена в Федеральном государственном автономном
образовательном учреждении высшего образования
«Южный федеральный университет»

Научный руководитель: **Меликян Вадим Юрьевич,**
доктор филологических наук, профессор
ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет» /
Институт филологии, журналистики и межкультурной
коммуникации / кафедра теории языка и русского языка,
заведующий кафедрой

Официальные оппоненты: **Карасик Владимир Ильич,**
доктор филологических наук, профессор
ФГБОУ ВО «Государственный институт русского языка им.
А.С. Пушкина» / кафедра общего и русского языкознания

Желтухина Марина Ростиславовна,
доктор филологических наук, профессор
ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет» /
Научно-образовательный центр «Человек в коммуникации»,
главный научный сотрудник, директор

Защита состоится «24» июня 2024 г. в 15.00 ч. на заседании диссертационного совета ЮФУ801.03.06 по филологическим наукам на базе Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета по адресу: 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая 105/42, а. 203.

С диссертацией можно ознакомиться в Зональной научной библиотеке Южного федерального университета по адресу: г. Ростов-на-Дону, ул. Зорге, д. 21Ж, 2 этаж, и на сайте Южного федерального университета по адресу: <https://hub.sfedu.ru/diss/show/1327015/>

Автореферат разослан «__» _____ 202_____ г.

Ученый секретарь

диссертационного совета ЮФУ801.03.06

кандидат филологических наук

Овсиенко Татьяна Владимировна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Проблема развития литературного языка всегда является центральной для лингвистики. Однако подавляющее большинство работ в этой области посвящены не механизмам его развития, а происхождению и истории формирования. Именно поэтому особенно **актуальным** видится изучение связи литературного языка с таким полемическим жанром риторики, как судебная речь. Судебное красноречие объединяет в себе элементы самых разных дискурсов, в том числе художественного, и активно их переосмысливает, адаптирует к своей коммуникативной задаче, превращаясь при этом в источник идей и предмет полемики для публицистов, мыслителей и писателей. Исследования в этой области актуальны ещё и потому, что в современной лингвистике обострилась дискуссия относительно необходимости (или отсутствия таковой) в строгом нормировании литературного языка. Изучение взаимодействия риторики и литературного языка позволит пересмотреть некоторые аспекты этой полемики и переоценить значимость для языка риторических жанров, подразумевающих реальный диалог.

В этой связи **проблема** влияния полемического жанра риторики – а именно судебного красноречия – на развитие литературного языка, его синтаксиса, лексики и семантики, представляется особенно значимой.

Взаимоотношение риторики и литературного языка по сей день остаётся малоизученной сферой. Существующие исследования преимущественно связаны с вопросами, которые находятся в границах отдельных дисциплин: риторики, логики, стилистики, теории аргументации, истории языка, теории дискурса (Кожина, 2008; Крысин, 2007; Клушина, 2011; Fairclough, 2012; Mustajoki, 2016 и др.).

В истории языкознания проблемы развития литературного языка привлекали внимание учёных преимущественно в историческом аспекте (Ларин, 1975; Колесов, 1986; Успенский, 2002; Камчатнов, 2015). Изложенные В.В. Виноградовым (1972; 1982) и Л.В. Щербой (1957) идеи о природе литературного языка, путях его обогащения и специфике стилистического разнообразия развивались лингвистами на протяжении всей второй половины XX в. Здесь следует упомянуть исследования А.А. Алексеева (2013), Р.А. Будагова (1967), Г.О. Винокура (1959), Т.Г. Винокур (237). В тот же период членами Пражского лингвистического кружка разрабатывалась концепция, в рамках которой литературный язык понимался как адаптивная система, в развитие которой вносят вклад все члены языкового коллектива (Гавранек, 1967; Едличка, 1967; Матезиус, 1967; Мукаржовский, 1967). Позднее, на рубеже XX–XXI вв., развернулась полемика относительно приемлемости термина

«языковой стандарт» и его соотношения с понятием «литературный язык» (Ворт, 2006; Крысин, 2007; Крысин, 2010; Швейцер, 1971).

Особую значимость для изучения развития литературного языка в последние годы приобрели исследования в области теории дискурса. Существенный вклад здесь был внесен Н.Д. Арутюновой (1998), Т.А. ван Дейком (1981; 1997), В.И. Карасиком (2018), Ю.С. Степановым (1995), Н. Фэйрклафом (2012) и др. Внимание исследователей привлекает и проблема взаимодействия дискурсов, которая нашла отражение в работах М. Бартесаги (2015), В. Бхатиа (2010), К. Кендлина (1997), У Цзяньго (2011).

Судебное красноречие второй половины XIX – начала XX вв. стало предметом пристального внимания ещё в конце XIX в., когда были предприняты попытки описать источники развития русского судебного красноречия, индивидуальные стили известных ораторов, проследить их связь с художественной литературой и литературной критикой. Эти вопросы нашли отражение в работах С.А. Андреевского (2000), И.В. Гессена (1914), Б.Б. Глинского (1897), К.И. Чуковского (2012) и др. Интерес исследователей к теме вернулся на рубеже XX – XXI вв., что видно по работам Д.Н. Ковалевой (2010), И.В. Логинова (2002), В.И. Смолярчука (1984).

Общие вопросы риторики, логики и риторической топики активно разрабатывались как западными, так и отечественными учеными на протяжении всего XX в. Именно во второй половине столетия были предприняты попытки переосмыслить элементы риторики и пересмотреть целый ряд теоретических вопросов. Эта тенденция видна на примере исследований Эта тенденция видна на примере исследований Л. Битцера (1968), А.А. Волкова (2001), Дж. Кеннеди (1994), В.П. Москвина (2010), С.В. Начерной (2010), Х. Перельмана (2008; 2012), Г.Г. Хазагерова (2008) и др. Для настоящей диссертации особенно актуальными видятся новые гибкие подходы к топике и риторической логике, ориентированные не только на чисто аналитические, но и на практические задачи (Хазагеров, 2017; Leff, 2006; Рере, 2017).

Объект настоящего исследования – русское судебное красноречие конца XIX – начала XX вв.

Предмет – риторические общие места (топосы) как фактор развития литературного языка, обогащения его семантики, лексики и синтаксиса.

Цель исследования состоит в анализе роли убеждающих речей как сферы взаимодействия судебного и художественного дискурсов на развитие литературного языка. В соответствии с целью поставлены следующие **задачи**:

1) исследовать специфику влияния художественной литературы на судебное красноречие конца XIX – начала XX вв. и его становление как поля интердискурсивности;

2) описать типологию риторических топосов в судебных речах конца XIX – начала XX вв.;

3) изучить влияние семантических топосов на развитие семантики литературного языка;

4) проанализировать влияние прагматических топосов на развитие лексики литературного языка;

5) исследовать роль логических топосов в развитии синтаксиса литературного языка.

Материалом исследования послужили обвинительные и защитительные судебные речи по громким делам конца XIX – начала XX вв., а именно:

1) речь П.А. Александрова по делу Веры Засулич (Александров, 1957);

2) речь П.А. Александрова по делу Сарры Модебадзе (Александров, 1957);

3) речь Н.П. Карабчевского по делу Бейлиса (Карабчевский, 2010);

4) речь Н.П. Карабчевского по делу И.И. Мироновича (Карабчевский, 2010);

5) речь Н.П. Карабчевского по делу мултанских вотяков (Карабчевский, 2010);

6) речь А.Ф. Кони по делу о Станиславе и Эмиле Янсенах и Герминии Акар (Кони, 1967);

7) речь А.Ф. Кони по делу об убийстве Филиппа Штрама (Кони, 1967);

8) речь Ф.Н. Плевако по делу люторических крестьян (Плевако, 1912);

9) речь Ф.Н. Плевако по делу князя Грузинского (Плевако, 1993);

10) речь Ф.Н. Плевако по делу С.И. Мамонтова (Плевако, 1993);

11) речь Ф.Н. Плевако по делу П.П. Качки (Плевако, 1993);

12) речь В.Д. Спасовича по делу Кронеберга (Спасович, 1894);

13) речь В.Д. Спасовича по делу Островлевой и Худина (Спасович, 1913);

14) речь В.Д. Спасовича по делу Давида и Николая Чхотуа (Спасович, 1957);

15) речь В.Д. Спасовича по делу Алексея Кузнецова (Спасович, 2010);

16) речь В.Д. Спасовича по делу Петра Ткачева (Спасович, 2010);

17) речь В.Д. Спасовича по делу Елизаветы Томиловой (Спасович, 2010);

18) речь К.Ф. Хартулари по делу Левенштейн (Хартулари, 1957);

19) речь К.Ф. Хартулари по делу Маргариты Жюжан (Хартулари, 1957);

20) речь А.И. Урусова по делу об убийстве Марии Дричь (Урусов, 1901).

Судебные дела, в рамках которых были произнесены перечисленные речи, имели широкий общественный резонанс, освещались в печати; некоторые из них нашли отклик у деятелей литературы и легли в основу художественных произведений. Речи были отобраны произвольно, т.к. цель нашей работы не проследить индивидуальные особенности ораторского стиля, а выявить общие механизмы влияния топосов и связанное с ними взаимодействие художественного и судебного дискурсов.

В качестве **методов исследования** были использованы дискурсный, интертекстуальный, прагматический, структурно-логический, композиционный и компонентный анализ, а также критический дискурс-анализ.

Теоретико-методологической базой исследования послужили статьи, монографии и диссертации как отечественных, так и зарубежных лингвистов, литературоведов, риториков, историков и логиков, связанные с вопросами литературного языка, литературы, дискурса и интердискурсивности, историей русской адвокатуры конца XIX – начала XX вв., судебной риторикой и логикой.

Данное исследование основано на работах, посвящённых:

1) литературному языку и его специфике как системы, обладающей потенциалом для дальнейшего развития, в том числе посредством культивирования всем языковым сообществом, о чем пишут такие учёные, как В.В. Виноградов (1978; 1982), Б. Гавранек (1967), Н.Н. Гухман (1970), В. Матезиус (1967);

2) риторической топике, а также специфике и потенциалу разных видов риторики, чему посвящены работы Аристотеля (2015), Д. Борманна (1977), М. Леффа (2006), А.Е. Махова (2011), С.В. Начерной (2010), Л. Розенфилда (1990), С. Рубинелли (2014), Г.Г. Хазагерова (2008; 2017), Цицерона. (1972; 1994);

3) теории дискурса и вопросам интердискурсивности, которые освещались такими исследователями, как М. Ариэль (2009), М. Бартесаги (2015), В. Бхатиа (2010), С.Г. Воркачев (2019), В.И. Карасик (2018), Н.И. Клушина (2011);

4) специфике судебного красноречия и судебного дискурса второй половины XIX – начала XX вв., рассмотренной в работах С.А. Андреевского (2000), И.В. Гессена (1914), Б.Б. Глинского (1897), А.Г. Тимофеева (1900).

Основным источником материала для анализа судебного красноречия послужили сборники речей русских адвокатов конца XIX – начала XX вв.

Гипотеза исследования основана на том, что судебное красноречие, будучи полемическим жанром риторики, который подразумевает реальный диалог и включает в себя элементы разных дискурсов, может в рамках типичных для судебной речи общих мест способствовать развитию литературного языка на уровне синтаксиса, лексики и семантики.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Судебное красноречие, возникшее в России после реформы 1864 г., сформировалось под влиянием реалистической литературы. Этому способствовала литературоцентричность культуры, а также тот факт, что ключевые судебные ораторы были непосредственно вовлечены в литературную и литературно-критическую деятельность. В результате произошло столкновение судебного и художественного дискурсов.

2. При анализе судебных речей рубежа XIX – начала XX вв. может быть применена типология общих мест, согласно которой все общие места делятся на семантические, прагматические и логические. Они вносят в речь новую тему, отражают коммуникативные намерения и логические операции.

3. Семантические топосы в речах второй половины XIX – начала XX вв. способствовали развитию прогрессивных идей и борьбе с негативным восприятием правосудия, которое нашло отражение в том числе и в фольклоре. Общие места этой группы вносили вклад в формирование представлений об институте суда как источнике справедливых решений, которые выносятся на основе объективных, логически обоснованных доказательств и научных данных, а не стереотипов.

4. Прагматические топосы в судебных речах исследуемого периода подразумевали использование средств образности, стилизацию и включение в речь элементов, находившихся за пределами литературного языка, что позволяло решить коммуникативные задачи (показать характеры и психологические состояния, описать место и время преступления, изложить последовательность событий и т.д.) и вносило в речь ораторов элементы художественного дискурса.

5. Логические топосы заставляли искать эффективные способы развертывания логических операций на уровне синтаксиса, чтобы в понятной и ясной для слушателей форме актуализировать логические связи, классифицировать явления и выявлять связи между этими явлениями и разбираемыми событиями в целом. Несмотря на ограниченное число логических операций, их выражение на уровне синтаксиса характеризуется большим количеством комбинаций, что выявляется посредством соотнесения логических и синтаксических схем.

Достоверность результатов исследования обусловлена тем, что выводы, сделанные в данной работе, получены в результате анализа речей адвокатов конца XIX – начала XX вв. Обоснованность результатов научно-квалификационной работы достигается благодаря репрезентативности эмпирического материала, использованию актуальных и эффективных методов исследования, а также использованию авторитетных научных источников (в библиографию входит 312 работ).

Научная новизна работы заключается в том, что впервые на примере русского судебного красноречия конца XIX – начала XX вв. установлено, что судебная речь как риторический жанр с характерным для него набором общих мест (топосов) в определённых условиях способствует развитию семантики, лексики и синтаксиса литературного языка.

Теоретическая значимость работы состоит в том, что она вносит определённый вклад в изучение процессов и механизмов, формирующих литературный язык. Углубляются теоретические представления об общих местах (топосах), их роли в развитии языка. Развивается идея о ценности полемических жанров риторики для обогащения литературного языка.

Практическая значимость работы состоит в том, что материалы исследования могут быть использованы в курсах риторики, коммуникативистики, теории дискурса и русского языка. Результаты исследования могут применяться спичрайтерами, практикующими риториками и всеми, перед кем стоит задача создать убедительный текст.

Апробация работы. Основные положения диссертационного исследования апробированы на заседании круглого стола «Топика и ораторика» в рамках межрегиональной научно-практической конференции «Первостепенное значение цикла “Научное исследование – практическое применение”» на базе РГЭУ (РИНХ) (Ростов-на-Дону, 2018 г.).

Результаты исследования изложены в 8 публикациях, в том числе 5 – в ведущих рецензируемых научных изданиях, включённых в перечень ВАК Российской Федерации. Общий объем публикаций составляет 4 п.л. (авторский вклад – 3,3 п.л.).

Список использованных источников и литературы состоит из 312 наименований. Общий объем работы составляет 174 страницы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновываются актуальность темы и научная новизна исследования, формулируются цели и задачи, определяется объект и предмет, указывается материал и методы исследования, описывается теоретическая и практическая значимость работы, выдвигаются положения, выносимые на защиту.

В **первой главе** «Методология исследования литературного языка» анализируются различные трактовки понятия «литературный язык», которое сопоставляется с термином «языковой стандарт»; рассматриваются различные точки зрения на пути его обогащения и развития.

Согласно господствующей в отечественной и восточноевропейской лингвистике точке зрения на литературный язык, он представляет собой обладающую социальным престижем наддиалектную форму языка, которая характеризуется обработанностью, полифункциональностью, стилистической дифференциацией и тенденцией к регламентации.

В основе современного взгляда лежат концепции Л.В. Щербы (Щерба, 1957) и В.В. Виноградова (Виноградов, 1978), которые также отмечали, что литературный язык обладает динамичной природой и потенциалом для дальнейшего развития. Исследователи Пражского лингвистического кружка, уделявшие этому феномену особое внимание, отдельно указывали, что литературный язык обладает гибкой стабильностью, которая позволяет ему приспособливаться к новым задачам. При этом значительный вклад в развитие литературного языка и его культивирование несут не только лингвисты и деятели искусства, но и все, кто на нем говорит и пишет.

Именно идея постоянного развития и гибкой стабильности отличает понятие «литературный язык» от понятия «языковой стандарт / стандартный язык», которое связывается с усреднённостью, нейтральностью, принципиальной ролью нормы. Т.е., если следовать точке зрения упомянутого ранее Пражского лингвистического кружка, оно охватывает лишь автоматизацию, в отличие от литературного языка, который включает в себя также интеллектуализацию и актуализацию.

Механизмы развития литературного языка подвергались активной рефлексии начиная с рубежа XIX–XX вв., когда впервые стали упоминать о роли экстралингвистических факторов в развитии языка. Позднее исследователи отмечали социолингвистический аспект развития языка, подчеркивали роль авторитетов: авторы художественных и публицистических текстов всегда находятся в поисках новых средств выражения и, если их тексты становятся авторитетными, то в дальнейшем служат ориентирами для других носителей языка. Национальный язык также развивается, осваивая новые сферы общественной и государственной жизни, что особенно заметно в периоды политического оживления, тяги к просвещению и активизации интеллектуальной деятельности, когда языку приходится осваивать новую реальность и новые явления.

При рассмотрении развития литературного языка в настоящей диссертации используется понятие «дискурс» в интерпретации Н.Д. Арутюновой (Арутюнова, 1998), а не «стиль», т.к. «дискурс» учитывает риторическую ситуацию, экстралингвистические факторы, прагматику и социальный аспект, что чрезвычайно важно в контексте изучения взаимодействия судебного красноречия, художественной литературы и литературной критики второй половины XIX – начала XX вв. как фактора развития литературного языка. Кроме того, дискурс тесным образом связан с институтами и социальными практиками с характерным для них набором ситуаций, в которых находят реализацию те или иные виды убеждающих речей

и риторических жанров, которые сами по себе способны оказать влияние на развитие литературного языка.

В заключительной части первой главы приводится характеристика трёх типов красноречия, которые выделяются в риторике, начиная с Аристотеля: эпидейктического, судебного и совещательного (Аристотель, 2015). Каждый из этих типов обладает способностью развивать и обогащать литературный язык, что подтверждают примеры из истории европейских языков. Однако наиболее продуктивным в этом смысле является полемическое красноречие (судебное и совещательное): оно подразумевает дискуссию, вынуждает пристально анализировать сказанное оппонентом, искать новые средства выражения собственной мысли. Неполемическое красноречие (эпидейктическое) по своей природе постулятивно и не предполагает диалога. Тем не менее для гармоничного развития и культивирования литературного языка необходим баланс между полемическим и неполемическим красноречием.

Вторая глава «Судебное красноречие и художественная литература» посвящена взаимоотношению судебного красноречия и художественной литературы, которое рассматривается на примере русского судебного красноречия конца XIX – начала XX вв. В этой части даётся общая характеристика судебного красноречия пореформенного периода, анализируется его роль в становлении художественной литературы и художественного дискурса, который обладает диалогичностью и вбирает в себя элементы других дискурсов. Отдельный параграф посвящён критическому изображению судебного дискурса в русской литературе конца XIX – начала XX вв.

Судебная реформа 1864 г. стала источником фундаментальных изменений в судебной системе и привела к полной трансформации институционального контекста: если ранее судопроизводство было письменным и тайным, а при разборе доказательств имел место формальный подход, то в результате реформы возник суд присяжных, который подразумевал полемику, примат устных текстов над письменными, а также активное использование риторических жанров защитительной и обвинительной речи. Заседания теперь привлекали внимание широкой общественности, речи печатались в газетах, разбирались писателями и публицистами. Вместе с институтом трансформировался и сам дискурс.

В условиях новых реалий адвокатура и прокуратура столкнулись с отсутствием в России крепкой традиции полемической – и, в первую очередь, судебной – риторики. Существовал опыт западных коллег, который активно изучался и подвергался всестороннему анализу. Однако он далеко не всегда был

применим в России в силу большой разницы между русским и зарубежным судоговорением и в силу разных этических установок.

Анализируя опыт коллег, русские адвокаты создавали оригинальные, самостоятельные речи, опираясь при формировании судебного красноречия и судебного дискурса на достижения русской литературы и литературной критики.

Этому в немалой степени способствовала сама специфика языка художественной литературы как такового, т.к. в нём сталкивались разные, в том числе находящиеся за пределами литературного языка, элементы. Во второй половине XIX в. этот аспект стал особенно очевиден: русская литература пошла по пути реализма с его стремлением воспроизвести многообразие социальных, профессиональных, диалектных и характерологических особенностей. Творческая деятельность писателей также культивировала речевые жанры, если понимать их в традиционном смысле как устойчивые типы высказывания, выработанные определенными сферами использования языка. Если следовать концепции М.М. Бахтина о первичных и вторичных речевых жанрах (Бахтин, 1986), то можно заключить, что авторы художественных текстов, создавая вторичный жанр, могли преобразовывать в соответствии со своим индивидуальным стилем, эстетическими и языковыми установками первичные жанры, обновлять и развивать их. Эти обновлённые вторичные речевые жанры могли становиться прецедентами, которые воспринимались другими носителями языка и возвращались в речь.

Несмотря на то, что художественную литературу со времен античности относят к эпидейктическому (а следовательно, неполемическому) типу красноречия, она, как отмечал М.М. Бахтин, способна быть диалогичной (Бахтин, 2017). Впоследствии эта концепция уточнялась и дополнялась. Если подходить к диалогизму в литературе чуть менее строго, то можно обнаружить, что диалогические текстовые структуры присутствовали и до появления полифонического романа Ф.М. Достоевского. Это убедительно было показано Ю.М. Лотманом, который полагал, что непременным условием диалога является существование двух выраженных точек зрения (Лотман, 1970).

Концепция гетероглоссии М.М. Бахтина впоследствии легла в основу теории интердискурсивности. В отличие от интертекстуальности, интердискурсивность предполагает отсылку к целой языковой системе, она связана с имплицитным взаимодействием дискурсивных формаций, а не с эксплицитными связями между текстами.

Интердискурсивность и реконтекстуализация дискурсов позволяют создавать дополнительные уровни смысла и существенно обогащает структурно-семантический план художественного текста, она предполагает

новаторство, попытки создания гибридных форм посредством присвоения или использования уже существующих конвенций и ресурсов, связанных с другими жанрами и социальными практиками.

Литературоцентричность русской культуры рубежа XIX–XX вв., способность литературы вступать в диалог с общественной жизнью и проникать в области, которые находятся за пределами собственно литературы, а также тот факт, что ключевые фигуры русской адвокатуры исследуемого периода, которые заложили основы судебного красноречия, сами были вовлечены в литературную и критическую деятельность, показывают, что художественная литература, сколь бы далекой она ни была от судебной системы, не могла не повлиять на судебный дискурс и на судебное красноречие.

А.Ф. Кони отмечал важность художественной литературы как источника разнообразных находок, которые использовались в дальнейшем для судебных речей (Кони, 1968). Литературную, переводческую и литературно-критическую деятельность с юридической совмещали С.А. Андреевский, Н.П. Карабчевский, В.Д. Спасович и А.И. Урусов. Последний называл защитника «говорящим художником», для которого особенно ценна чуткость, правдивость, талант психолога и бытописателя. Работы С.А. Андреевского ясно свидетельствуют, что во второй половине XIX – начале XX вв. связь пореформенного судебного красноречия и русской литературы подвергалась глубокой рефлексии, была очевидной и естественной.

Сама же литература того времени далеко не всегда была благосклонна к новому институту: адвокаты зачастую изображались критически, их речи пародировались, а ключевые писатели того периода нередко отрицательно относились к суду присяжных и адвокатуре в целом.

К новому институту и судебной риторике негативно относился Ф.М. Достоевский: в своих очерках он подвергал критике развиваемую адвокатами идею о деструктивном влиянии среды на человека, называл эту концепцию противоречащей христианской вере. В романе «Братья Карамазовы» можно встретить квинтэссенцию этой критики – образ адвоката Фетюковича, который произносит речь, в которой пародируются и доводятся до абсурда риторические приемы судебных ораторов.

Критически к суду присяжных был настроен и Л.Н. Толстой: он видел в новом институте нарушение христианских заповедей и противление злу. Позиция писателя нашла отражение в романе «Воскресение», где описание судебного процесса строится на остранении; в пьесе «Живой труп», в которой пародируются отдельные приемы ораторов; в романе «Анна Каренина», где в негативном ключе изображено сословие адвокатов.

Интерес к пореформенному суду присяжных проявляли М.Е. Салтыков-Щедрин и А.П. Чехов, однако они не отрицали сам институт, а лишь отмечали его недостатки: они иронизировали над риторическими приемами, нежеланием адвокатов обращаться к фактической стороне дела и над их стремлением слишком сильно полагаться на психологию, на механическую эксплуатацию шаблонов.

В **третьей главе** «Топика судебных речей рубежа XIX–XX вв. и развитие литературного языка» анализируются примеры общих мест (топосов) и анализируется их влияние на развитие литературного языка.

Для судебных речей, равно как и судебного дискурса в целом, характерен набор способов развертывания мысли, общих мест, который обусловлен коммуникативными задачами оратора, спецификой контекста произнесения речи, предпочтениями эпохи и национальными особенностями.

В качестве базы исследования была выбрана трёхчастная классификация топосов, предложенная Г.Г. Хазагеровым (Хазагеров, 2017). Согласно этой концепции, общие места делятся на семантические, прагматические и синтаксические и являются частью так называемой «топосферы культуры», которая изменчива и связана с возникновением новых смысловых пространств, которые необходимо осваивать литературному языку.

К **семантическим общим местам** относятся пословицы и поговорки, крылатые слова и выражения, афоризмы, персоналии, устойчивые метафоры и сравнения, которые позволяют подчеркнуть нужные оратору качества предмета и выявить полезные нюансы темы. Эта группа общих мест оказывает влияние на семантику языка.

Рассмотренные нами примеры судебного дискурса рубежа XIX–XX вв. показывают, что семантические топосы служили важным инструментом развития новых идей и полемики со старыми представлениями. Они позволяли переосмыслить роль суда в жизни общества, принципы, на которых должно зиждиться правосудие и следствие; пересмотреть предрассудки и представления о других народах. Кроме того, получали развитие идеи, которые уже присутствовали в общественном сознании: как правило, к ним отсылали упоминания писателей, литературных персонажей и художественных текстов, в которых были затронуты актуальные для оратора и общества вопросы и проблемы.

В первую очередь семантические топосы были направлены на развенчание устоявшихся в русской культуре представлений о суде как институте. Вместо отражённых в фольклоре идей продажности судей, предвзятости решений и возможности трактовать закон и обстоятельства дел в удобном ключе адвокаты активно продвигали мысль о справедливом для всех

правосудии, которое считается с фактами и доказательствами и не терпит вольных интерпретаций закона. Семантические топосы, отсылающие к мифологии, магии, фольклору и сказочно-фантастическому, очень часто встречаются в контексте указаний на необходимость избегать предвзятости и разного рода предубеждений.

Н.П. Карабчевский, сравнивая правосудие с «зеркалом души народа», говорил, что если эта душа «смутна» и «заколочена известным общественным движением», то она отражает в себе «чудовищные и фантастические образы (...но вот наука пришла на помощь и все опровергла. У вас фантазия, а у нас экспертиза)» (Карабчевский, 2010, с. 479, 499).

Упоминания писателей, литературных персонажей и художественных текстов, в которых были затронуты актуальные для оратора и общества вопросы, – отдельный пласт семантических топосов, распространенных в судебном дискурсе конца XIX – начала XX вв. Их широкое применение связано с литературоцентричностью русского общества, о которой мы писали ранее, во второй главе. Нередко они служили средствами лаконичной и емкой характеристики участников дела. Так, А.Ф. Кони, характеризуя Станислава Янсена, использует цитату из поэмы А.С. Пушкина «Полтава»: «...человек верный, близкий, в том возрасте, который “ходит осторожно и осмотрительно глядит”» (Кони, 1967, с. 104).

Подобную функцию чаще всего выполняли семантические топосы, которые воплощались в пословицах и поговорках, которые, благодаря общеизвестности и уже присутствующему в них оценочному компоненту, позволяли метко описать характер, образ жизни и взгляды участников дела. Так, например, А.Ф. Кони, чтобы указать на беспорядочное ведение бухгалтерского отчета в магазине Герминии Акар, говорил, что «своя рука – владыка» (Кони, 1967, с. 110). Описывая тихий и совершенно неприметный образ жизни убитого Филиппа Штрама, А.Ф. Кони отмечал, что тот был «тише воды, ниже травы» (Кони, 1967, с. 162).

Посредством семантических топосов, отсылающих к христианским текстам и религиозным деятелям, ораторы полемизировали с устоявшимися стереотипами и этническими предрассудками. Очень показательны в этой связи два процесса, которые были связаны с обвинениями в ритуальных убийствах, – это так называемое «Дело мултанских вотяков», когда группу крестьян-удмуртов обвинили в принесении языческим богам человеческой жертвы, и «Дело Сарры Модебадзе», в рамках которого евреи были обвинены в ритуальном убийстве. Так, например, П.А. Александров, защищая группу евреев, начал выступление с прямого указания на то, что его речь обращается к тем, кто хочет найти основания для критики старого убеждения против евреев.

Используя отсылки к работам апологетов (в частности, Тертулиана и Августина), указывал на то, что первые христиане, как и современные евреи, подвергались несправедливым гонениям и безосновательно обвинялись в преступлениях (Александров, 1957).

Прагматические топосы связаны с коммуникативной стороной общения, его целью и речевыми жанрами. Как писал М.М. Бахтин, они могут становиться более актуальными или менее; могут возникать и новые жанры, в том числе в результате гибридизации существующих, тем самым отражая тенденции в развитии общества (Бахтин, 1986). Речевые жанры служат своего рода лабораторией для испытания новых языковых явлений, которые, прежде чем стать частью литературного языка, проходят длительные и сложные испытания.

Судебный и художественный дискурсы, в которых фигурируют те или иные речевые жанры, имеют различную прагматику. Для дискурсов, которые связаны с ситуациями официального и делового общения (в том числе для судебного), нехарактерны образность и использование тропов, эмоциональная окраска и оценочная лексика. Художественному же дискурсу свойственно совершенно противоположное: он тяготеет к изобразительности и эмоциональности, использует средства выразительности; он не чужд стилизациям и использованию нелитературных элементов, в том числе разговорной лексики, которая делает текст более естественным. Как показывает исследование материала, эти разнонаправленные тенденции двух дискурсов гармонично соединялись в речах адвокатов конца XIX – начала XX вв.

Наиболее частотные прагматические топосы, которые встречаются в речах рассмотренного периода (описание, повествование, диалог и рассуждение), подразумевали использование лексики, принадлежащей самым разным дискурсам: от судебного, медицинского и политического до художественного. Адвокаты использовали яркие метафоры и эпитеты, возвышенную и сниженную лексику, элементы бытовой и канцелярской речи (особенно в тех частях выступлений, где используется сермоцинация и воссоздается чужая речь). Необходимость совмещать фактографичность, чёткость, научность и юридическую точность формулировок с созданием ярких образов мест, характеров, психологических типов и событий при помощи соответствующих лексических средств и приводила к попыткам (и весьма успешным) сочетать элементы разных дискурсов, что вносило вклад в развитие лексики литературного языка:

Пример 1

«Куда идти? Домой? А там его спросят эти ужасные, милые, насмешливо-ласковые детские голоса: а где же белье? Что, папа, бука-то,

знать, сильнее тебя? <...> Плох же ты, папа! <...> Мы тебя забудем, мы от тебя отвыкнем...» (Плевако, 1993, с. 411).

Эффективным средством изображения психологических состояний служила несобственно-прямая речь, которая характерна в первую очередь для художественной литературы. К этому приему прибегает Ф.Н. Плевако в речи по делу князя Грузинского, когда описывает настроение обвиняемого перед убийством. Оратор при помощи цепочки риторических вопросов транслирует мысли не только самого князя, но и его детей, прибегая к стилизации.

Пример 2

«Как в тюрьму? Вероятно, это недоразумение, я не привлечена к нечаевскому делу, не предана суду» ... <...> – «Не могу знать, – отвечает надзиратель, – пожалуйста, я от начальства имею предписание взять вас» (Александров, 1957, с. 27–28).

Подобная стилизация чужой речи может рассматриваться в данном случае как сермоцинация, т.е. включение в собственную речь чужой. С точки зрения риторики её можно трактовать как вид энаргии – оживления речи, создания яркого описания событий или явлений, которое заставляет аудиторию ясно представить себе то, о чём говорит оратор. Возникающий эффект заставляет слушателей как бы увидеть описываемые события и испытать ощущение присутствия. Энаргия превращает слушателей в свидетелей событий, позволяет им примерить на себя личность изображаемого человека. Она оказывает эмоциональное воздействие, приносит эстетическое удовольствие, удерживает внимание слушателей. Однако в контексте сермоцинаций энаргия также играет ещё одну роль – служит инструментом более ясного изображения характера.

Синтаксические общие места представляют собой алгоритмы, порождаемые логическими отношениями: в эту группу включаются, в частности, топоры рода и вида, места и времени, определения и условия. Им соответствуют, как правило, синтаксические и словесные фигуры.

Судебная речь, в силу своей прагматики, требует актуализации логических связей. В обычной коммуникации логические операции и посылки аргументов предстают в максимально свёрнутом виде или же вовсе выражены имплицитно. В судебном дискурсе логические операции приобретали развёрнутый вид, поскольку перед ораторами стояла задача продемонстрировать всю цепочку умозаключений. Чтобы это сделать, требовалось найти удачные способы развертывания логических операций на уровне организации синтаксиса.

Для анализа логических общих мест в работе предложены схемы логических операций и синтаксические схемы. Это позволило получить

представление об общих стратегиях реализации топосов на уровне синтаксиса. Число логических операций очень ограничено, однако анализ материала с использованием синтаксических и логических схем показал, что их выражение на уровне синтаксиса характеризуется высокой вариативностью:

Пример 1

«Господин Минкевич выдвигает несколько судебно-медицинских положений, с которыми мы могли бы охотно согласиться, если бы... если бы самое вскрытие трупа не имело место лишь спустя месяц...» (Карабчевский, 2010, с. 231).

Не проведенная в разумные сроки экспертиза (~ T) не позволяет слушателям (S) войти во множество тех, кто принимает доводы эксперта (A). Тем самым здесь присутствует логическое отрицание:

$$(1) \sim T \rightarrow S \notin A.$$

В виде структурной схемы предложения это может быть представлено так:

$$(1) N_1 Vf_{3s} N_4.$$

$$(2) \text{Pron Vf Inf, если бы...}$$

$$(3) \text{если бы } N_1 \text{ Neg Vf.}$$

Антирезис, отклоняющий неубедительный аргумент обвинителей, дополняется гиподиастолой. Нарочитая пауза добавляет эмоциональной экспрессии высказыванию:

Пример 2

«Но если убийство было совершено на чердаке, то <...> надо ли тащить труп на расстояние двух-трех шагов? Конечно, нет. <...> Быть может, он убит вне квартиры? Но это невозможно, потому что ход на чердак только из квартиры, потому что убить его вне дома и внести его в квартиру было бы небезопасно ...» (Кони, 1967, с. 161).

Этот фрагмент можно представить в виде дизъюнкции:

$$(1) S \in A \vee B \vee C;$$

$$(2) \sim A;$$

$$(3) \sim B;$$

$$(4) \text{следовательно, } S \in C.$$

Последовательный перебор вариантов и их отрицание приводят адвоката к выводу, что убитый (S) не мог быть убит на чердаке (~A) и не мог быть убит вне квартиры (~B), поэтому остается только один вариант – Филипп Штрам был убит прямо в квартире (S ∈ C). С точки зрения синтаксиса это реализуется так:

$$(1) \text{Inf?}$$

$$(2) \text{Neg.}$$

$$(3) N_1 \text{ Part}_1 \text{ кратк.ф. } N_{\text{loc}} ?$$

(4) Adj_{fsn}.

Рассуждение А.Ф. Кони строится на гипофорах: сначала задается вопрос, затем на него сразу же дается ответ. Подобная конструкция позволяет не просто последовательно отбросить варианты, но и сохранить стройность речи и повисить её когезию. Подобная стратегия видится эффективной в том случае, когда есть необходимость при большом количестве вариантов или насыщенности текста фактической информацией выстроить сжатое, ясное рассуждение. Кроме того, приведённый фрагмент можно рассматривать как диализис, если трактовать его как тип дивизии, «когда постановка проблемы сопровождается приведением всех альтернатив».

Наиболее часто в основе синтаксических топосов оказываются дизъюнкция и импликация, что обусловлено коммуникативными задачами, стоящими перед судебным оратором: в первом случае речь идет о перечислении альтернатив и возможных вариантов, которые затем, как правило, исключаются до тех пор, пока не останется один наиболее вероятный и убедительный вариант; во втором случае речь идет о необходимости выполнения определённых условий для наступления конкретного результата, т.е. причинно-следственных связей, анализ которых играет огромную роль в анализе обстоятельств любого дела, рассматриваемого в суде.

В **заключении** диссертации делаются выводы и обобщаются результаты всей работы. Перспектива исследования видится в возможности применения предложенной модели для изучения влияния разнообразных риторических жанров на развитие языка, а также для анализа текущей языковой ситуации и планирования стратегий её улучшения.

Результаты, полученные в ходе исследования, могут быть применены для решения практических задач в условиях современного суда присяжных.

Основное содержание диссертации отражено в следующих публикациях автора:

Статьи в ведущих рецензируемых научных журналах и изданиях, рекомендованных ВАК РФ:

1. Бондарева, А. А. Речь Фетюковича в романе Ф.М. Достоевского "Братья Карамазовы" как пародия на судебное красноречие и судебный дискурс / А. А. Бондарева // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2022. – № 7 (170). – С. 130-138. (К2)
2. Бондарева, А. А. Синтаксическое выражение логических топосов

(на материале речей русских адвокатов второй половины XIX - начала XX века) / А. А. Бондарева // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2021. – Т. 19, № 2. – С. 157-165. – DOI 10.25205/1818-7935-2021-19-2-157-165. (K1)

3. Khazagerov, G. G. Fyodor Dostoevsky and forensic oratory / G. G. Khazagerov, A. A. Bondareva // Communication Studies. – 2021. – Vol. 8, No. 4. – P. 659-670. (K2)

4. Khazagerov, G. G. Rhetorical platforms and the development of the Russian literary language: judicial oratory / G. G. Khazagerov, A. A. Bondareva // Communication Studies. – 2019. – Vol. 6, No. 2. – P. 292-304. (K2)

5. Бондарева, А. А. О риторическом потенциале дихотомии "свой-чужой" / А. А. Бондарева // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. – 2019. – Т. 29, № 3. – С. 471-476. – DOI 10.35634/2412-9534-2019-29-3-471-476. (K2)

Статьи, опубликованные в других изданиях:

6. Бондарева, А. А. Конструирование событийности в судебных речах русских адвокатов конца XIX - начала XX в. / А. А. Бондарева // Практики и интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований. – 2023. – Т. 8, № 1. – С. 147-160. (K2)

7. Бондарева, А. А. Литературный язык vs языковой стандарт / А. А. Бондарева // Актуальные проблемы стилистики. – 2020. – № 6. – С. 115-121.

8. Бондарева, А. А. Семантические топосы как инструмент апелляции к этосу и пафосу (на материале судебных речей Н. П. Карабчевского) / А. А. Бондарева // Вестник Бурятского государственного университета. Язык. Литература. Культура. – 2018. – № 3. – С. 9-14.